

Г.Х. ШАХНАЗАРОВ: «ЮРИСТЫ БУДУТ НУЖНЫ ВСЕГДА»

Батурин Ю.М.¹

DOI: 10.24682/2226-0692-2024-3-4-6

Георгий Хосроевич Шахназаров — один из моих Учителей. Юрист по диплому, он занимался больше политологией и фактически стал одним из основателей этой науки в Советском Союзе и, следовательно, в России. Многолетнему президенту Советской ассоциации политических наук, первому вице-президенту Международной ассоциации политических наук, ему повезло все свои знания, в первую очередь политические и юридические, применить в драматически трудные времена на крупном государственном посту помощника президента СССР, позднее — Государственного советника СССР.

Но он был не только высококлассным юристом и блестящим знатоком политической науки. Георгий Хосроевич поражал и привлекал своей разносторонностью: по совместительству с работой у М.С. Горбачева заведовал сектором теории политических систем и политических отношений Института государства и права АН СССР (именно в ИГПАНе я и попал под его научное руководство, профессиональное попечение и отеческую опеку многоопытного человека), член-корреспондент Академии наук (если бы не основная работа, где всегда попридерживали таких, как он, — стал бы академиком), лауреат Государственной премии СССР, автор фантастических романов. Он публиковал их под псевдонимом Шах. Суровые правила работы в аппарате ЦК КПСС, видимо, не позволяли, чтобы серьезный чиновник на ответственном посту занимался еще и какой-то там фантастикой, которой, надо признать, в жизни действительно хватало, даже в избытке. И политологии-то одной более чем достаточно, чтобы подмочить репутацию. Правда, в конце 1980-х годов потеплело, и он смог он издать повести и рассказы под своим именем. Отчасти даже драматург — две его пьесы были поставлены на сцене. Для меня он был совершенно недостижимым образцом. (Однажды, много лет спустя, я обнаружил, что повторил многие достижения

Георгия Хосроевича: побывал помощником президента, стал членом-корреспондентом Академии наук, писал беллетристические книги, опубликовал одну пьесу. Правда, ею ни один театр не заинтересовался). Но в те далекие времена Г.Х. Шахназаров стал для меня примером человека универсального, полимата, который очень многого достиг во разных областях.

Мощный и нестандартный ум всегда привлекал меня в нем. Я получал настоящие уроки культуры мышления, когда наблюдал, как он наговаривает стенографистке почти без шероховатостей текст, отрывается на звонок, дает ответ, тут же мгновенно набрасывает требуемые тезисы документа, правит срочную бумагу, затем возвращается к диктовке с прерванной фразы, никогда не теряя нити рассуждений. Реакция его была мгновенна и точна.

Себя Георгий Хосроевич характеризовал как армянина по происхождению, русского по культуре и мироощущению, социал-демократа по убеждениям, юриста по образованию, политолога по призванию, ученого по складу ума и публициста по профессии. Родился он 4 октября 1924 года в Баку, в семье адвоката. Его отец, принадлежавший к знатному роду Мелик-Шахназарянов («мелик» — князь), стал дипломированным юристом в Петрограде накануне революции. Новый порядок он принял без восторга, но и без враждебности. В Петрограде было голодно, пришлось возвращаться в Баку. А там еще сложнее — коммуна, мусаватисты, дашнаки, англичане, турки... Когда установилась твердая власть, он, чтобы не мозолить глаза дворянским происхождением и не попасть под классовую чистку, поменял в паспорте фамилию просто на Шахназаров. Семья жила небогато, лишние деньги водились редко.

В 1942 году после окончания средней школы Георгий ушел на войну: сначала 6-месячное училище, потом — фронт. Два года до конца войны уча-

¹ Батурин Юрий Михайлович, доктор юридических наук, член-корреспондент РАН РФ, профессор МГУ, летчик-космонавт, Герой России, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: baturin@ihst.ru

ствовал в боях на Южном фронте, 4-м Украинском, 3-м Белорусском, 1-м Прибалтийском. Командовал огневым взводом, был начальником разведки дивизиона, закончил командиром батареи. После Победы демобилизовался, вернулся в Баку, окончил Азербайджанский государственный университет, юридический факультет, специализировался на теории государства и права. В 1949 году, узнав о массовом (для послевоенного восстановления науки) наборе в аспирантуру академических институтов, приехал в Москву, поступил в аспирантуру ИГПАНа. В 1959 году защитил кандидатскую диссертацию. Затем работал в Политиздате, заведовал редакцией в течение 8 лет. Работал в журналах «Политическое самообразование», «Проблемы мира и социализма». Затем — консультантом отдела ЦК КПСС, международного отдела по связям с социалистическими странами, сначала в качестве консультанта, потом — заместителем заведующего отделом. Затем вновь на два года вернулся в журнал «Проблемы мира и социализма» в роли ответственного секретаря. И опять — в ЦК КПСС: заместитель заведующего 2-го международного отдела (социалистические страны). С 1 марта 1988 года — помощник Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева. Став помощником Президента СССР, пригласил меня своим помощником, по каким-то критериям выделив из научных сотрудников руководимого им сектора ИГПАНа.

Не знаю, почему он выбрал меня в качестве постоянного собеседника. Может быть, проверял на моих (тогда еще не очень опытного юриста, а в основе — физика, инженера, системщика) возражениях и замечаниях свои политические и юридические рассуждения и конструкции. Может быть, ему был нужен совершенно необычный ракурс рассмотрения или просто требовался диалог для развития своей мысли. Во всяком случае, разговоры были доверительные. Видя, что я делаю пометки в блокноте, он разрешил мне, когда я задавал вопросы, даже записывать такие рабочие интервью на диктофон, считая это полезным. Фрагмент нашей беседы 28 декабря 1989 г. о юриспруденции предлагаю читателю.

Ю.Б. Георгий Хосроевич, вы были совсем молодым человеком, когда решили стать юристом. Почему вы избрали именно эту профессию?

Г.Ш. Было внутренне такое тяготение, уже в школе, еще до войны, до того, как ушел на фронт, я очень увлекался тем, что мы сейчас называем политологией или политической наукой. Но поскольку в чистом виде политологии не было, не существовало, даже факультета такого не было, то, естественно, ближе всего был юридический. Кроме того, мой отец был адвокатом, и вполне успешным. Однажды ему довелось совершить практически невозможное: обжаловав смертный приговор нескольким милиционерам, ему удалось доказать, что его подзащитные не принимали непосредственного участия в убийстве. Верховный Суд СССР заменил «высшую меру» раз-

личными сроками заключения. Популярность отца как адвоката выросла неимоверно. Так что в семье я рос в обстановке всякого рода разговоров о судебных делах, о прокуратуре, защите, адвокатуре и т. д. Политических разговоров в доме не вели. Если отец с матерью что-то и обсуждали политическое, то шепотом, чтобы не слышали мы с сестрой. Но я кое-что улавливал. В результате возник интерес к политике и, как следствие, серьезное увлечение классиками политической мысли. Подчеркиваю, оно было всегда со школьных лет, и до сих пор у меня в почете Руссо, Монтескье, Локк, Джефферсон... Интерес подкреплялся тем, что каждый свой дополнительный заработок сверх того, что требовалось для обеспечения семьи, отец тратил на книги.

Ю.Б. В одном из Ваших фантастических произведений 1984 года — «Нет повести печальнее на свете...» — беседуют два литературных героя, и один из них, перечисляя профессиональные кланы, долго не может вспомнить клан юров. Почему? Не случайно, наверное?

Г.Ш. Действительно, абсолютно не случайно, ты прав. Не случайно, потому что когда я писал эту повесть, мне казалось: где-то в отдаленном будущем не должно остаться слишком большого пространства для занятия юриспруденцией. Это было настолько привычное для нас, исходящее из классической схемы того времени представление о том, что государство отмирает, значит, и право тоже отомрет, а, следовательно, в будущем, в каком-то другом мире, в другом обществе (хотя у меня там описывалась антиутопия, а не утопия) не останется особенно места для людей нашей профессии.

Ю.Б. Но в повести вы довольно едко прощлись по клану юров. Это результат юридического образования, опыта, практики, или вы пытались заглянуть в будущее?

Г.Ш. Должен сказать, что у меня двойственное отношение к моей собственной профессии. С одной стороны, вместе с представлениями о коммунистическом будущем, казавшимся нам довольно близким, уж точно не за горами, нам долго и незаметно прививали правовой нигилизм. А с другой стороны, появилось глубокое уважение к этому роду деятельности, которое я сохраняю до сих пор. И мы в последнее время видим, что пришел звездный час юриспруденции, которая фактически у нас всегда была в жутком загоне. Собственно говоря, она не выполняла свою основную функцию, а была служанкой режима.

Жили мы в Баку. Мой отец работал в адвокатской конторе. Образ государственной жизни Азербайджана основывался на всякого рода нарушениях закона, взяточничестве. Было можно всё. И всё делалось с помощью телефонного права (так мы говорим сейчас, тогда у нас и телефонов-то не было, но было давление сверху). И все-таки, когда по каким-либо процессам нельзя было добиться правды в Баку, отец выезжал в Москву. И часто по его просьбам, с его аргументацией удавалось добиться какой-то справед-

ливости по тем или иным делам — уголовным или гражданским. Но позднее это стало сходиться на нет. *Потому что центр, Москва, постепенно давали республикам права, причем не демократическим образом. Они передавались местной верхушке, местному правящему клану.* И становилось только хуже. Потому что найти правду, выйти для этого за пределы республики стало невозможно.

Ю.Б. Что, на Ваш взгляд, важнее всего в правотворчестве? Каким должен быть законодатель?

Г.Ш. Должен сказать, я всегда верил, что это дело таланта и здравого смысла. Прежде всего, при написании законов желательно иметь профессионалов. Но несравненно большее значение, чем юридическая техника, имеет способность к политическому мышлению и обостренное гражданское чувство. А это вещи, которые встречаются во всех слоях общества, у всех людей. И, может быть, даже в этом смысле некоторые непрофессионалы, не юристы, бывают выше.

Я думаю, что законодатель — особая профессия, которая не обязательно должна вербоваться из числа юристов. Она, скорее, должна пополняться из числа политически ангажированных, политически мыслящих людей. Конечно, им необходимо профессионализироваться. Сразу они не смогут сесть и писать хорошие законы. Некоторые, видимо, сами почувствуют, что у них не получается и без всяких претензий уйдут на свои прежние места. В конце концов, лучше быть хорошим инженером или врачом, чем плохо заниматься не своим делом. А какая-то часть будет профессионализироваться. Парламент должен быть профессиональным. А дальше, думаю, все, кто не чувствует в себе достаточно способностей для этой роли и очень предан своей изначальной профессией, — выполнят свою функцию и уйдут, отойдут. Так же, как в свое время сделал Солон — создал законы и отошел. Так и должно быть. А уж впоследствии вырастет племя настоящих парламентариев, профессионалов.

Ю.Б. Георгий Хосроевич, вы — народный депутат СССР. Сейчас юристов среди депутатов не так уж много. Каково отношение парламентариев к депутатам-юристам и каково влияние депутатов-юристов на остальную часть депутатского корпуса?

Г.Ш. Я уже говорил, что сейчас мы переживаем звездный час юриспруденции. Так и должно быть. Раз у нас создается правовое государство, значит право в цене, юристы в цене. Вы помните, что экспресс-оценки, которые на I Съезде с места мгновенно давали К.Д. Лубенченко, А.А. Собчак, А.М. Яковлев, Ю.Х. Калмыков и другие юристы, — были весьма востребованы и крайне полезны. Да и сейчас, конечно, тоже. Может быть, кому-то приелось, что одни и те же лица часто мелькают на трибуне. Но в ситуации, когда возникает какой-то спорный момент, очень нужно, чтобы хороший профессионал дал грамотную юридическую справку. Чрезвычайно важно, чтобы в зале нашелся хороший специалист и вовремя дал бы пояснения, чтобы не пришлось бегать за энциклопедией. Поэтому, думаю, юристы всегда будут нужны. И более того, когда в будущем у нас появится полностью профессиональный состав парламентариев, надо будет обязательно иметь под рукой, в каждом комитете грамотных, профессиональных юристов, потому что законодатели никогда не станут специалистами во всех сферах права. Я лучше разбираюсь в вопросах теории государства и права. Я даже больше политолог, чем юрист. И никогда не берусь судить, если речь идет о семейном праве или земельном. Это такая огромная сфера знаний. И конечно же, необходимо иметь банк данных, чтобы можно было быстро получить нужную справку: в какой стране имеются те или иные законы, что было до этого и т. д. Все нужно делать на профессиональной, научной основе. Юриспруденция — правая рука законодателя. И мы должны обязательно иметь очень сильных юристов.